

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

БЕЛОВОДЬЕ РУССКОГО СЕВЕРА, ПОЛНОЕ МОЛОКА И МЁДА

Пастораль без коровы

... Однажды я путешествовал со своим товарищем-журналистом из столицы по Вологодчине, и он под конец наших поездок спросил:

— Я не видел в ваших лугах ни одной коровы и усомнился в справедливости того, что ваш край считают молочным.

— Ты что, не знал? — удивился я. — Уже лет десять, как коров заменили биохимическими установками по производству искусственного молока!

Я пошутил, но пошутил как-то убедительно. Сам в это едва не поверил.

— И теперь все эти кефиры, ряженки, “домики в деревне”, “резные палисады”, сливки и сливочное масло, которые вы потребляете в Москве, — всё это делают из молока, полученного на этих установках!

Товарищ был ошарашен. Он как-то сник, потерял интерес к молочным витринам в супермаркетах, даже на вологодское масло перестал восторженно реагировать. Так что пришлось исправляться: вести его на ближайшую ферму, договариваться с руководством хозяйства, ветслужбой, чтобы пустили столичного человека взглянуть на настоящую живую корову.

Это был колхоз “Родина”, самое знаменитое хозяйство на Вологодчине, да и на всём пространстве матушки России. Таких гигантов не много, по пальцам можно пересчитать. Помню, мы попали на “контрольную дойку”. Это своеобразный экзамен для коров, когда по взятым у них пробам молока определяется жирность, содержание белков, протеинов и ещё масса других показателей, по которым будут составлять индивидуальные рационы и определять витаминные добавки и иные элементы, необходимые для полноценной жизнедеятельности и молокоотдачи.

Как раз замеры брали у коровы по кличке Жара, величавой, холёной красавицы, белого с редкими тёмными пятнами окраса. Так вот, в утреннюю дойку она дала 18 литров молока, в обеденную — 19, а про вечернюю мы не могли узнать, потому что к тому времени уехали в город, но, наверное, литров под двадцать дала тоже. И это была, в общем-то, рядовая корова.

Эти результаты поколебали мою давнюю гордость за свою землячку, знаменитую шекснинскую корову Вену, которая в сороковых годах установила мировой рекорд по суточным надоям молока — 82,4 литра... И рекорд этот продержался 17 лет, пока его не побил кубинская корова Убре Бланка — Белое Вымя, надоившая 127 литров молока за сутки. Сегодня в Гаване стоит памятник этой легендарной корове. Наша легенда удостоилась быть выставленной

в виде скелета на зоотехническом факультете Вологодского молочного института. Но и он был утрачен при очередной реорганизации...

Реорганизация...

Вот, наверное, ключевое слово нашего беспамьяства. **Революция, реорганизация, ревизия, репрессия, рецессия...** Все эти слова-заклинания имеют приставку “ре”, означающую “движение назад” или “откат”... Теперь вот в рамках бесконечных и непонятных **реформ** придумали ещё оно ключевое слово: “оптимизация”, которое так же к развитию нас не призывает... А вот к оптимизации памяти ведёт напрямую, потому что хранителей памяти оптимизировали, вычистили из нашей жизни, переписали, вычеркнули прошлое, чтобы нынешнее “кое-как” и откровенное “хуже некуда” выглядело более или менее сносно...

Мне давно хотелось развить эту “коровью” тему, копнуть её поглубже, поискать истоки молочного животноводства здесь, на Севере. Не зря предки наши искали мифологическое Беловодье, где “земля полна молока и мёда”. Искали, искали и, видимо, нашли, обрели его... Беловодье-то.

Мы снимали фильм о нашем великом земляке Николае Васильевиче Верещагине, создателе молочной отрасли в той, дореволюционной царской России. Дело его с революцией не погубило, а осталось и окрепло в колхозах, в сети малых сепараторных, сыроварен, головных маслозаводов, о которых мы вспоминаем сейчас со вздохом сожаления.

Так вот, снимая этот фильм, приехали мы к созданной ещё при коммунистах искусственной гидросистеме, отсекающей гигантской дамбой весенние воды сухонских разливов.

Было ранее утро. Мы запустили квадрокоптер, способный улететь от оператора на пять и более километров, фиксируя на видео картины природы, остающейся внизу. И были потрясены: в лучах восходящего солнца под камерой лежали необозримые территории такого могучего, густого цветущего разнотравья, которое могло на поверхности своей удержать садящихся на него птиц...

Это было то самое разнотравье, лучше которого нет и не может быть во всём мире... Невостребованное, заброшенное, забытое пространство, способное накормить и напоить десятки, сотни тысяч человек... Дать лучший в мире продукт, называемый вологодским маслом...

Эти пространства в десятки тысяч гектаров заливных присухонских лугов при желании легко увидеть из окон города Вологды, для которых наш знаменитый земляк как политическое завещание оставил эти записки: “Государству, имеющие такие заливные луга, не нужны золотоносные прииски...”

И верно, во второй половине XIX века крестьяне Сибири, а затем и Северо-Запада, следуя советам и рекомендациям Верещагина по созданию маслодельческих артелей, за несколько лет вышли по производству и продаже коровьего масла самого высокого качества на такие показатели, которые превзошли результаты всей золотодобывающей отрасли Сибири.

И вот из года в год десятилетиями зарастает и уходит в небытие это заливное Беловодье нашего края...

Сегодня всё чаще можно слышать заявления, что производство сельскохозяйственной продукции в наших условиях – слишком дорогое удовольствие. И что это обстоятельство стало причиной того, что наша область ни в одну из 14 агломераций разработанного либеральными экономистами проекта пространственно-территориального развития России.

“От Череповча до Луковча...”

“От Луковча до Череповча шеснадцать вёрст, а от Череповча до Луковча – осьмнадцать”, – частенько приговаривала моя бабушка, когда возникала какая-нибудь непонятная ситуация. А разгадка этой приговорки была проста: это когда мужики возвращались с ярмарки из Череповца домой, то сворачивали в кабак выпить рюмку- другую за успешную торговлю, и путь их становился на 2 версты длиннее.

Но что это за Луковец, в который они возвращались: город, село, деревня? Может, это только в присказке существует некий сказочный Луковец, которого нет ни на одной карте в окрестностях Череповца? Луковец этот

вспомнился мне, когда пытался разыскать другое село в окрестностях Череповца – Любец. В этом селе, родовом имении дворян Верещагиных, был похоронен в 1907 году великий, чего уж там скромничать, для России человек – Верещагин Николай Васильевич – родной брат знаменитого художника Василия Васильевича Верещагина, который покоится на дне Японского моря вместе с адмиралом Макаровым.

...А Череповец, он же Череповесь, Луковец, он же Луковесь, Любец, он же Любовесь – древние поселения племени “весь” по берегам реки Шексны.

Такую ещё присказку хранит память от бабушки: “Черепана – те же англичана, только нарециё на “це”. Или ещё так: “Маменька, подай чулоцки, в уголке на пеце...”

Череповцу несказанно повезло. Он был основан на высоком холме – “черепе”, а вот Луковец, Любец, Пертовка – второе имение Верещагиных – ушли под воду при заполнении Рыбинского водохранилища в сороковых годах прошлого столетия, как ушли вместе с ними более 700 сёл, деревень, город Молога и большей частью Весьегонск.

Ушли, и вместе с ними, теперь уже безвестными деревнями, ушла наша память, унесли её воды Леты, замыло песком забвения.

Конечно, на Лету и песок свалить наше беспамяство проще, чем предъявить претензии себе. А вот что же я сам не перенял бабкин опыт прошлого, не выспросил, не позаписал, как всё было при её жизни: кому кланялись, кому молились, о чём мечтали и как жизнь строили? Что, не хватило нескольких вечеров на это душевное общение под диктофон или карандаш?

Наверное, понадеялся на учебники по истории, где всё грамотно, исторично, проверено... Напрасными оказались надежды на учёных-историков и политиков: так всё перемешали, перевернули и вывернули, что только и остаётся тревожная растерянность: а с нами ли всё это было и было ли?

Одно только могу сказать: историю мы должны писать сами. Историю семьи, рода, деревни, края, страны. Писать через собственный опыт, судьбы...

Начало нынешнего октября я встретил в Городище на Рыбинском водохранилище. Знаменитое древнее поселение сегодня превратилось в ухоженный дачный посёлок под Череповцом, приют любителей природы, домашних огурчиков и помидорчиков, большой воды, рыбалки и охоты.

Ещё раз скажу: мы снимали документальный фильм о Николае Васильевиче Верещагине, основателе молочной кооперации в царской России. Благодаря его усилиям в конце девятнадцатого века Россия стремительно выдвинулась в мировые лидеры по производству и продаже коровьего масла. Его опыт организации молочного дела позволил России получать доходы, значительно превышавшие доходы от добычи золота...

Сегодняшняя деревня во многом напоминает стоящую на распутье раскрепощённую и отпущенную на волю деревню 1861 года: “Иди, куда хошь”. Вот куда бы обратить нам взор: на дела, труды и задачи, которыми загружал себя наш великий земляк, чтобы выбрать собственный путь развития, не навязанный извне...

...В Городище нас ждали вчерашние крестьяне, а ныне “черепана”, братья Красушкины, которые всё своё свободное время отдают земле, лесам и воде. Несколько дней дул северный ветер и отогнал воду от городищенского берега.

На песке лежала обездвиженно самодельная яхта Красушкиных. Поехали на “Прогрессе”, за два раза. Четырёх человек в катер брать было никак нельзя: по морю ходили стада “белых барашков”. Однако погода подарила нам солнце, появившееся среди осеннего мкропогодья. И это радовало и вселяло надежду, что мы на правильном пути...

Километрах в семи от Городища на просторах Рыбинского водохранилища есть крохотный островок пятьдесят на пятьдесят. Песок да кусты ивняка. Это и есть Любец, вернее, самая верхушка холма, на котором ещё лет пятнадцать назад стояла колокольня, опираясь четырьмя подмытыми уже ногами на затопленную землю. Она рухнула прямо на Пасху... А до сороковых годов вокруг любецкого холма стояла деревня Любец, там была и усадьба Верещагиных, в которой провёл свои последние дни Николай Васильевич. Здесь, в церковной ограде недалеко от церковной стены, его и похоронили.

Мне рассказывали рыбаки, что время от времени вода отступает и обнажается северный склон холма. Что видели они не однажды могильную плиту Верещагина, но потом льдинами плиту ту своротило, один год обнажился гроб, потом льдами натащило валунов, и всё пропало под завалами огромных камней...

Мы ехали на “Прогрессе”, взлетая на гребни волн и падая в провалы. Где-то там, в глубине вод, лежали безмятежно останки Пертовки и Луковца. Лежали тысячи и тысячи человеческих судеб, воплощенные когда-то в крестьянских домах, покотицах, хлебных нивах, барских усадьбах, маслодельнях, мельницах, мукомольнях, монастырях и церквях, кладбищах с крестьянскими и дворянскими останками...

Катер до берега дойти не мог, было мелко. Я разделся и пошёл босыми ногами по воде, готовившейся стать льдом. Волны тревожили песчаную косу, перебирая ушедшие давно года. То и дело попадали под ноги глиняные черепки, осколки кирпичика, фрагменты церковной железной ограды. Я вышел на берег, и перед моим взором предстали то тут, то там разбросанные человеческие останки. Берцовые кости, челюсти с выпавшими зубами, черепа, обломки досок, скорее всего, гробов, крестьянская обутка, которой снаряжали в последний путь усопших крестьян...

Я поднял с песка одинокий опорок. Это была резиновая калоша, в которую когда-то был обряжен покойник... И эта сиротская калоша почему-то пронзила сердце более всего.

Я подумал тогда: стоит ли ворошить прошлое? Ведь ничего же уже не поправить. И можно ли сейчас из нашего благоустроенного сегодня судить о прошлом, когда надо было вырвать Россию из разрухи, отсталости, подготавливать к грядущей и неминуемой уже войне... Может быть, всё правильно?

Но кости, разбросанные по всему приплеску, скорбели и молчаливо вопрошали о милости.

— Видите вот эту каменную гряду? Вот здесь, по всей вероятности, и будет могила Николая Верещагина, — сказал Юрий Красушкин, сопровождавший нас, — сейчас она под водой, но не глубоко. Там она, если от неё что-то осталось... Вы знаете, какая страшная сила у ледохода? Льдины ворочают такие валуны... Бывает, за одну весну картина меняется резко... Колокольню посмотрите, как размолочила вода. Тротилом так не разбить, а волна тихая, ласковая, всё размывает...

На этой каменной гряде мы и решили оставить привезённый крест и веночек Николая Васильевичу в память от создателей будущего фильма.

— Мистика какая-то, — сказал Татаров. — Оба брата Верещагина покоятся под водой. Один на восточном краю отечества, другой здесь вот, под водами искусственного моря.

Основатель нового Беловодья

“Для того, чтобы объяснить, почему я занялся молочным хозяйством и притом не частным делом, а общественным, прошу позволения обратиться к тому времени, когда мне пришлось начать заниматься сельским хозяйством. По образованию моряк, я при всём желании не мог приучить себя переносить морскую качку и из офицерских классов Морского корпуса перешёл в Петербургский университет. Здесь на естественном факультете я, между прочим, посещал лекции профессора Светлова и в его горячей проповеди о травосеянии видел одну из лучших гарантий для обеспечения нашего скотоводства кормовыми средствами. Мне уже тогда рисовалось, что только усиленные заботы об улучшении скотоводства могут поддержать наше хозяйство...”

Это выдержка из письма Николая Васильевича Верещагина министру земледелия Ермолову, в котором он объясняет причины своего увлечения молочным хозяйством. Николай Васильевич родился в деревне Пертовка, родовом имении Верещагиных, 13 октября 1839 года. Сегодня это древнее селение, как и второе родовое имение Любец, покоится на дне рукотворного моря. А сверху на беспокойной поверхности его скандалят чайки, сверлят пространство лодочные моторы, проплывают похожие на многоэтажные дома лайнеры и нефтетрусы. И всего в нескольких километрах в небо поднимаются дымные трубы Череповецкого металлургического комбината. Когда ветер дует в сторону города, кажется, что молочные реки дымов затопляют и весь город.

А именно эти речные долины, покрытые сегодня “несамородными водами”, видел Верещагин источником будущих молочных рек, которые должны были вывести Россию в мировые лидеры сельскохозяйственной продукции.

В воспоминаниях Череповецкого головы Ивана Милютинина есть строки о том, как в Череповец, маленький уездный городок, из Пертовки пешком по льду прибегал на работу в земское собрание Николай Васильевич. В валенках, полушубке, с замотанным на шее шарфом, в меховой шапке и меховых рукавицах...

Верещагина сегодня чаще всего называют изобретателем технологии по производству вологодского масла. Но скорее всего способ глубокой пастеризации сливок был известен давно и в России, и в Европе. И приглашённая Верещагиным семья сыроваров Буманов из Голштинии, организовавшая производство коровьего масла под Вологдой, так же воспользовались уже известным рецептом.

Верещагина называют организатором молочной отрасли в России. И это так. Но этого мало... Надо представить Россию, вернее, русскую деревню после реформы 1861 года, когда крепостное право было отменено. Наступила свобода, воля, тревожное, волнующее “иди куда хошь...”

Жизнь предложила многим миллионам крестьян задачу, которую большинство не могли решить самостоятельно. Как жить, чем заниматься, каким способом извлекать средства для существования? И появление Николая Васильевича Верещагина, имеющего свой собственный план развития сельского хозяйства страны, сродни божественному откровению.

Верещагин появился в самый нужный, критический для государства момент. Можно сказать, что сегодня наша северная деревня ждёт своего Верещагина, потому как ситуация на селе во многом схожа с ситуацией пореформенной России 1861 года.

Всё так же нет государственного заказа на продовольствие, которое наше правительство предпочитает получать не из хладных просторов России, а из продвинутого Зарубежья. Так же велико количество незанятого трудоспособного населения в деревнях и составляет, по некоторым данным, около 20 миллионов человек...

Н. В. Верещагину приписывают заслугу в создании способа изготовления уникального масла, которое он называл “Парижским”. Название “Вологодское” данное масло получило лишь в 1939 году согласно приказу Народного комиссариата мясной и молочной промышленности Союза ССР “О переименовании названия “Парижского” масла в “Вологодское”.

Мне рассказывал об этом эпизоде В. А. Ардабьев, бывший в восьмидесятых годах начальником областного управления сельского хозяйства. А ему в своё время эту историю поведал член-корреспондент академии ВАСХНИЛ А. С. Емельянов, который руководил Научно-исследовательским институтом молочного и лугопастбищного хозяйства в Молочном, во многом ставший продолжателем дела Верещагина.

В 1939 году была открыта выставка достижений народного хозяйства СССР. И вот на заключительный банкет к передовым животноводам страны пришёл И. В. Сталин. Подавали на стол и знаменитое “Парижское” масло.

Тогда Сталин спросил: “А почему это масло называется так? Где его изготовили?”

— Это масло произведено в Вологде, — отвечал Емельянов.

К тому времени у Емельянова был орден Ленина за достижения по раздоя коров.

— Я был в ссылке в Вологде, — вспомнил Сталин. — И вот там хозяйка готовила такое же вкусное масло. Это неправильно, что его называют “Парижским”. Оно должно называться “Вологодским”.

И через день вышло распоряжение наркома.

Барыня Белавя

Когда-то была у меня долгая беседа с дояркой из-под Вологды Ниной Пасхиной. Мы сидели с ней в благоустроенной квартирке, пили чай, и она поведала мне такую историю:

— Нет-нет, и привидится она во сне. Стоит будто бы у ворот и смотрит с укоризной, словно в душу заглядывает: “Мол, что же это ты, хозяйка, меня

позабыла? Все коровы давно по дворам, одна я, словно сиротина бездомная...

Проснусь в городской квартирке своей вся в слезах: "Господи! Да что же это такое, что же ты память-то мою не отпускаешь? Столько ведь лет прошло..." Думаю, краше моей Белавы во всём свете не было. А уж какая умница-разумница! Бывало, стадо с поскотины идёт, Белавя завидит меня – голос подаёт.

Бабы мне: "Нина, твоя труба впереди всех, словно барыня вышагивает".

Три ведра молока на дно надаивала от неё. А молоко-то какое! На три пальца сливок настоит в кринке. Каждый год телёночка принесёт. Мы её уже коровкой купили в соседней деревне. Мама мне присоветовала: чтобы, говорит, корова обратно к хозяйке не убежала, ты, говорит, у себя на дворе нательную рубаху сними и протри корову рубахой с головы до ног, чтобы она дух твоего дома на себя приняла...

Так я и сделала. С первого дня дорогу к дому Белавя нашла. Мы с ней душа в душу жили. Уж я её словом худым не обидела, пойло готовила, хоть сама пей, сенцо мелкое давала, зелёное, солью посыпанное.

Да что там говорить! И в каждом доме корова за кормилицу и поилицу почиталась. Прежде так и вовсе у нас бабы мужние на голове кокошники где рогагы носили, а где – так и коровьим копытцем. Бабой да коровой, не в обиду будь мужикам сказано, дом-то держался.

Как-то вечером пригнали пастухи стадо в деревню, а моей Белавы нет. Кинулась я в поскотину – нет её, по лесам да болотинам побежала – не чуть и голоса. Деревню всю на ноги поставила, каждый кусток и кочку обрыскали – пропала Белавя.

Пала я на землю сырую, зашлась, как по покойнику.

– Ах, ты мне, горе горькое, как же мне без тебя, Белавушка, жить, чем детей малых поить-кормить?!

Сутки Белавы нет, вторые, неделя прошла. Я уж все ноги в кровь сбила в поисках, а тут мама советует: "Иди, говорит, Нинушка, в Загоскино. Там живёт старушка-вековушка ясновидица, может, она скажет чего".

И тот час в Загоскино собралась, яиц решето да сала край в подношение и – в дорогу. Бабка и впрямь ясновидящей оказалась. "Иди, говорит, за гари, там, за гарями, попала твоя Белавя в круг. Да иди, поспешай!" И подношения моего не взяла, а дала бутылочку со святой водой.

Побежала я за гари, и там в лесочке нашла свою Белавушку. Круг такой метров на двадцать в поперечине вытопан до земли, и ходит по нему моя Белавя – вся кожа да кости, ходит, еле ноги переставляет, качает её бедную. Закричала я, что мочи есть от кости, а она и не чует вроде, голову опустила, с губ пена падает.

Открыла я бутылку со святой водой, сбрызнула, благословясь, коровку, и тут передние ноги у неё подкосились, и пала она на землю, и замычала жалобно...

Вот какие чудеса бывали в прежние времена. Я бы и сама не поверила, если бы своими глазами не видела.

Или вот в нашем сельсовете жил такой человек, глаз у него, сказывали, был недобрый. Как-то молодые поехали на колхозном жеребце проведать родню в соседнюю деревню, а жеребец-то был такой: как пойдёт махать, ровно огнём палит.

Тот мужик-то и вышел, поглядел вслед, жеребец и обезножел, так еле-еле до нашего дома приплёлся, в пене весь. Послали за тятей моим, так он только прошептал чего-то, как жеребец вздыбился и пошёл на махах, едва молодых не вывалил. Я вот всё думаю: глупые мы были, у стариков ничего не переняли, а они многое знали, чего бы и нам, и внукам нашим сгодилось.

Ну, а потом война началась, так скрутило, что небо с овчинку показалось. Остались без мужиков, без лошадей, всё хозяйство на бабы плечи свалилось.

Надо весенне-посевные работы проводить, а не на чем, попробовали вручную копать, руки вытянули так, что от напряжения чирьи по рукам пошли...

Чего делать-то? Выручай, Белавя! Выручай, милая!

Как вспомню сейчас, сердце кровью обливается. Одели ярмо на шею кормилице, прицепили плуг и в – поле.

Земля тяжеленная, к отвалу липнет. А чего силы-то осталось в Белаве моей, коль сами с голоду пухли. . . А она будто понимает всё, упирается, что есть мочи, борозду ведёт.

Всю весну на ней работала, а к концу пахоты сил не стало вовсе у Белавы. Как-то встала посреди борозды, и ни с места. А я и сама еле на ногах держусь.

А надо план давать, сводку каждый день в райком отсылают, на фронте хлеба ждут. . . Не выдержала я и огрела кнутом любимицу свою. А она только передёрнула крупом и стоит.

Я через борозду перевалилась и к ней, в глаза-то заглядываю и вижу: Бог ты мой, у Белавы моей слёзы, что горошины, катятся. И такая в глазах этих боль и вина, что обхватила я её морду и заревела в голос, и прощения у неё просила, и войну проклятушую проклинала.

Ночью Белаву моя померла. Утром пришла на двор, а она уж холодная. . .

Если на том свете есть коровий рай, так точно Белаву мою в раю. Не зря она мне во сне грезится. Верно, к себе зовёт. А я и сама последние лапти донашиваю на этом свете, только вот попаду ли в рай-то — не знаю. Ох, нагрешили мы за время своё безбожное немало, и церкви наши лесом на куполах поросли. . .

Историю коровы Белавы записал я у старой крестьянки из-под посёлка Молочное, который вот уже целое столетие является признанным научным центром российского животноводства.

В самом Молочном обязательно поведают вам историю другой коровы, судьба которой могла бы лечь в основу целого романа.

Корову звали Веней. Взята она была в стадо, над которым работал молодой учёный-селекционер Алексей Емельянов, с крестьянского подворья деревни Митицино, что в пятидесяти километрах от Вологды. Ничем особенным не выделялась — обыкновенная ярославка из Домшинского племенного рассадника, заведённого ещё земством.

Таких племенных рассадников до революции на Вологодчине было много. Наверное, некогда в недрах партийного политпроса родилось обидное определение дореволюционной северной крестьянской бурёнки — “корова-навозница”, от которой проку и было только — поля удобрять.

Определение это переносилось на всё северное молочное животноводство, Но тогда, скажите, откуда у нас мог появиться обширный маслодельческий промысел, который в начале двадцатого века вывел Россию в лидеры по поставке на мировой рынок сливочного масла?

Племенная работа с молочным скотом на Севере велась уже много веков. Сначала ею занимались монастыри, через систему монастырей племенной скот проникал в крестьянские хозяйства, а уж позднее племенной работой вплотную занялись земства, организуя племенные рассадники породистого скота на территории всей Вологодской губернии.

Держать породистый скот было престижно. В 1911 году в Вологде прошла крупнейшая сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены не только продукты и товары, производимые селом, техника для обработки земли и переработки сырья, но и племенной скот. Тогда лучшей коровой была признана корова предводителя Вологодского дворянства Андреева, коему и был вручён почётный диплом и денежная премия. На базе андреевской фермы многие годы существовало под Вологодой племенное хозяйство, разрушенное ныне.

Сегодня лучшим в мире молочным скотом считается заморская голштинофризская порода. Однако наши учёные порой шутят, что голштинофризы есть не что иное, как испорченная хорошим содержанием наша северная холмогорка.

Холмогорская северная порода молочного скота имеет тысячелетнюю историю, и вполне вероятно, что поморские коровы являются далёкими предками голштинофризского скота. Иноземные купцы зачастую увозили из России не только меха и пеньку, но и скот для пропитания в дороге, для скрещивания со своим скотом. В тринадцатом веке Голландия подверглась такому наводнению, что весь скот её утонул. Несомненно, что стада её пополнились через морской путь с Севера России. Так что Россия не только “лаптем щи хлебала да решетом воду носила”. И не только царская, но и советская, колхозная.

Но вернёмся к корове Вене.

В конце тридцатых годов прошлого столетия Вена стала бить один за другим мировые рекорды в надоях молока. А сороковым году ею был поставлен рекорд, который долго не удавалось побить. Тогда суточный надой Вены составил 82,4 литра! Восемь с половиной вёдер!

Рассказывают удивительные истории об этой корове. Она настолько в своём коровьем сознании прониклась важностью поставленной перед нею задачи, что отдавала рекорду самую себя. Несмотря на усиленное питание (кормили девять раз в день, а доили шесть), кости её истончились и стали хрупкими, так что на пастбище, рассказывают, её возили на специально оборудованном автомобиле. Одна беда: от Вены не могли получить бычка. Для того чтобы получить большое потомство, нужен бычок, а рождались у Вены одни тёлочки.

Эта причина, должно быть, охладила отношение к Вене партийных органов, а соответственно и учёных. Когда началось война, то и вовсе было не до сельскохозяйственной науки. Да и сам Емельянов был мобилизован и охранял с винтовкой военный аэродром.

Вена превратилась в обыкновенную корову, для которой весь рацион составляла охапка соломы. Но и в этих условиях она ещё долго давала рекордные надои за счёт своих внутренних ресурсов, сдоилась с тела и стала похожей на обтянутый кожей скелет.

Не обошла Вену и участь коров военной поры. На ней пытались пахать и боронить. Алексей Емельянов вновь отыскал Вену уже после войны, с трудом узнав в ней бывшую чемпионку мира. Девять лет из-за бескормицы она не давала потомства, не годилась даже на мясо.

Вена узнала учёного, потянулась к нему, замычала жалобно. Емельянов решил вновь взять корову под свою опеку.

И поразительно: Вена в первый же год огулялась и принесла долгожданного бычка. И в этот же год дала три тысячи литров молока: надой, который считался для коров ярославской породы оптимальным.

Беспартийный орденосец

Алексей Степанович Емельянов, будущий член-корреспондент ВАСХНИЛ и основатель Северо-Западного научно-исследовательского института молочного животноводства и лугопастбищного хозяйства, начал свою деятельность в конце двадцатых. И начал её довольно успешно.

На ферме Дитятьево под Вологдой коровы нашей отечественной ярославской породы, полученной от скрещивания местных пород, стали быстро прибавлять в надоях. Но у Емельянова нашлись недоброжелатели. В соответствующие органы поступил донос, что учёный скрыл своё социальное происхождение, а между тем отец его являлся священнослужителем и “врагом народа”. Емельянова исключили из партии.

А спустя какое-то время на Всероссийском съезде крестьян за высокие достижения в сельскохозяйственной науке (по ферме Дитятьево был получен годовой надой в пять тысяч литров молока на каждую корову) ему вручают орден Ленина.

Вышла путаница с документами, и сведения об исключении Емельянова из партии не дошли до наградного отдела. Емельянов вернулся в Вологду победителем.

Кинулись срочно восстанавливать его в партии, но оказалось, что учёный все эти годы в партии состоял. Он предвидел всё и регулярно перечислял на партийный счёт членские взносы.

Пройдёт много лет, и увитый лаврами создатель уникального молочного стада и не менее уникального института, обласканный властями учёный, будет бесцеремонно изгнан из собственного кабинета собственным учеником, ставшим на какое-то время новым директором института.

К счастью, научная преемственность хоть и была изрядно подорвана, но не прервалась со смертью Емельянова. У него было много учеников и талантливых последователей, которые бережно хранят память о своём учителе и его заветы.

Но жизнь не стоит на месте. И битва за большое молоко, за корову-рекордистку, более напоминающую станок для производства молока, продолжается.

Чтобы понять весь драматизм борьбы, я встретился с академиком РАСХН Петром Никифоровичем Прохоренко.

До недавнего времени он возглавлял институт генетики животноводства под Санкт-Петербургом, а сейчас, оставив за собой отдел генетики, активно продолжает заниматься сельскохозяйственной наукой. Поэтому его взгляд на развитие молочной отрасли в стране кажется мне чрезвычайно интересным, как и сама жизнь академика.

С иностранным клеймом в ухе...

Западные аграрии русский Север красят в белый цвет, как территории, на которых невозможно сельское хозяйство, поскольку здесь отрицательная среднегодовая температура. Этот посыл не более как лукавая, злобная пропаганда. Прохоренко не склонен идеализировать западную цивилизацию. Хотя бы потому, что на его глазах, — а было ему в ту пору шесть лет, — немцы устроили показательное сожжение в мельнице половины населения его родной деревни Кирилловки, среди которых были в основном дети, женщины и старики. Сожгли для порядка...

Прохоренко во многом открыл мне глаза на происходящие процессы в молочном деле России.

— Скажите, Пётр Никифорович, а правду ли говорят, что у нынешней, прославленной во всем мире коровы голштинофризской породы корни-то холмогорские?

— Да, здесь есть момент истины. Голштинофризская порода произошла из Голландии, от голландского скота. А корни голландского скота есть в холмогорском скоте. Как и в голштинофризах есть корни холмогорского скота.

— Говорят, что в Голландии в XIII веке было большое наводнение и весь скот у них погиб. И, восполняя стадо, они привезли морем часть скота с севера России.

— Наука генетика в животноводстве, она многие другие науки ещё в себя вбирает. Это, прежде всего, история. Да, да. История и генетика вместе идут.

Я хотел бы сказать несколько слов про голштинскую породу. Американцы себе на континент голландскую породу ещё в XVII веке завезли. До 90-х годов прошлого века завозили.

Но в это же время шла селекция молочного скота в Америке и Канаде, шла в других направлениях, чем в самой Голландии.

Голландцы стремились создать комбинированный тип скота, чтобы было сразу молоко и мясо.

А Америка как завезла голландский скот, сделала ставку только на интенсивную селекцию по молоку — молочный тип. И в результате получилась голштинская порода, по молоку не превзойдённая. Мировой рекорд за этой породой. 32 тысячи литров молока. Голштинская порода начала распространяться по всему миру. Первая порода на земном шаре.

В 50-е годы в Советском Союзе животноводство стало переходить на промышленную технологию, выбор пал на чёрно-пёструю породу, от которой можно было получать и мясо, и молоко.

Но она резко уступала по молочной продуктивности. А самое главное, она уступала по технологичности. Переходили на доильные, высокопроизводительные установки, вымя было не развито, скорость молокоотдачи была очень низкая: 1,1-1,2 литра в минуту, когда у голштинов уже было два литра в минуту.

В 1982 году мы разработали программу улучшения чёрно-пёстрой породы в Советском Союзе.

Этой программой предусмотрено было выведение 12 внутривидовых типов: Московского, Ленинградского, Литовского, Уральского, Сибирского, Украинского... Двенадцать типов на основе использования голштинов на базе нашего чёрно-пёстрого скота.

И вот, когда мы начали использовать быков-производителей и получили первое поколение скота от скрещивания, то сразу скорость молокоотдачи уве-

личилась. Вымя получилось очень приспособлено к доильным установкам, равномерно развито... Это были прекрасные результаты.

Это было в 1982-1983 годах. Вот под Ленинградом у нас были выделены базовые хозяйства. Это знаменитые племзаводы: "Лесное", "Петровское", "Детскосельский", "Раздолье", "Рассвет", "Тарасово". Семь хозяйств. И за каждым хозяйством были закреплены научные сотрудники. У нас создалась сильная лаборатория чёрно-пёстрого скота, а наш колхоз "Лесное" был признан лучшим племзаводом Советского Союза.

Он оказал огромное влияние на чёрно-пёстрый скот, в том числе и в Вологодской области.

И вот началась перестройка, реформы. Начался откровенный грабёж государства. Было закуплено около полумиллиона коров за границей. Гигантские деньги, потраченные впустую, растраченные!

Наш институт и лично я доказывали, что не надо завозить чужое маточное поголовье в страну, тут можно завести и лейкоз, и генетические нарушения...

Я выступил в газете с большой статьёй, что можно завозить только быков высокоценных, сперму и эмбрионы. Вот эта статья: "Корова с иностранным клеймом".

Я осудил практику, распространяемую "Рослизингом".

И мы, Ленинградская область – единственная область, которая пошла по своему пути, отказавшись покупать и завозить маточное поголовье.

И что же получилось? Коровы-иностранки приезжали, акклиматизацию проходили, молоко давали год-два, и дальше эксплуатация их оказывалась невозможной.

– Даже на мясо не годились эти коровы?

– Да.

А Ленинградская область под руководством нашего института не допустила чужой скот на комплексы. И вот эту статью я посылал министру Гордееву, Скрынник в "Рослизинг" и нашему президенту Российской сельхозакадемии Романенко Геннадию Алексеевичу.

Представляете, я думал, они хоть почитают, одумаются.

Я выступал в академии несколько раз. И вот в 2007 году меня пригласили на трибуну рассказать о программе дальнейшего развития института.

И тут Романенко – президент академии – говорит:

"Вот идёт писака!"

Я: "Что вы имеете в виду, Геннадий Алексеевич?"

"Вы сами знаете".

И представляете, на этом президиуме мне отказали в продлении контракта на заведование институтом.

А потом уже наш же президент в своей статье в "Сельской жизни" написал, что Академия предупреждала, что нужно завозить быков, эмбрионы и сперму, а не везти маточное поголовье...

– Может быть, тут личные интересы были? Триста тысяч племенных коров купить – это вам не баран начихал...

– Завезли не триста, а полмиллиона. Затрачены гигантские деньги.

А наша Ленинградская область – единственная область, которая своих, чёрно-пёстрых коров осеменяет быками-улучшателями.

Так работает Европа, так работает и наша Ленинградская область.

И вот в результате этой работы в Ленинградской области создан ленинградский тип скота. Он апробирован как селекционное достижение. Высшее достижение в селекции – "Ленинградский тип": 12 тысяч литров – годовой удой.

А так как это базовое хозяйство, у нас создаётся племенная база в Ленинградской области – 60 племенных хозяйств по оптимизированной породе.

Сейчас идёт интенсивный перевод скота из чёрно-пёстрой породы в голштинскую.

Пять лет назад я выступил в научном журнале, что мы должны аттестовать наш скот, как "голштинская порода России".

Так сделали все европейские страны – Голландия поглотила скот голштинами, Германия, Прибалтика. И называют: "голштинская порода Эстонии", "голштинская порода Литвы", "голштинская порода Германии", "голштинская порода Франции". И так далее.

Так вот, наша популяция, эти 60 племзаводов – это самая лучшая племенная база России.

Ленинградская область сейчас занимает первое место по надою в России – 8200 килограммов в год от коровы. А по племенным хозяйствам по этой голштинской породе, если взять только по голштинизированным племзаводам, – наш скот превзошёл чистопородных голштинов.

Вот есть бюллетень – 28 стран мира ежегодно печатают свои результаты. Так вот, Ленинградская область превзошла по удою чистопородных голштинов в 14 странах мира. Какие это страны? Франция, Бельгия, Ирландия, Швейцария, Словения, все наши прибалтийские – Литва, Латвия, Эстония, Польша, половину европейских стран мы превзошли.

– Вот вам и Нечерноземье, вот вам и страна, в которой невыгодно заниматься сельским хозяйством!

– А племзаводы, я назову их: “Гражданский”, “Петровский”, “Гомонтово” – являются лучшими не только в России, но и лучшими в Европе.

“Глохнет покинутый луг...”

...И вот ездим мы по следам великого организатора молочного дела в России Николая Васильевича Верещагина.

И что снова поражает в поездках по просёлкам, удивляет и печалит журналиста из Питера – это опять же отсутствие в ландшафте нашей вологодской родины милых сердцу картин с пастушком и стадом коров у реки или речушки на заливных, исходящих медами и живительными соками плодородных лугах...

Луга в самом непостижимом количестве, зарастающие уже кустарником и лесами, в лучшем случае дурной травой и борщевиком. Не было коров в этом прославленном краю молочных рек с кисельными берегами. Чтобы не быть голословным, скажу: в конце восьмидесятых Вологодская область производила более 800 тысяч тонн молока ежегодно. А Дрыгин, первый секретарь обкома партии, с именем которого связаны все успехи области в развитии вологодского села, ставил задачу выйти на миллион тонн...

К сожалению, за тридцать лет демократических преобразований и либерализации рынка реки эти обмелели почти вполовину, несмотря на успехи отдельных хозяйств, опередивших не только достижения социализма, но и местной региональной науки.

И мы снова отправились в ближайшее от Вологды хозяйство – в племенной завод колхоз “Родина” к Шиловскому Геннадию Константиновичу, одному из немногочисленных корифеев нашего села

Этот колхоз, а ныне племзавод, и станет заглавной буквицей в наших размышлениях о судьбе нашего сельского хозяйства и в целом северной русской деревни.

...Стояла замечательная пора золотого бабьего лета. Перелески сияли багрянцем, золотом, ещё не поникшей зеленью, серебряные паутины летали в воздухе, в бескрайних полях “Родины” гудели комбайны. Вот она, наша северная пастораль...

Но без тучных стад. Без единой коровки...

– Геннадий Константинович! Где ваши знаменитые коровы? Или их нет у вас вообще, а в магазинах продают полученное химическим путём молоко, синтезированное из травы либо зерна?

Шиловского этими вопросами не смутить. Сколько их: журналистов, хроникёров, начальства всякого прошли через его легендарное хозяйство! И у всех первым вопросом был этот: “А где коровы?”

– Не пасём коров уже много лет. Зелёной травкой давно коров не кормим. У нас единая, научно-обоснованная система кормления – кормосмесь. И в этой кормосмеси мы даём все питательные вещества, которые нужны корове, чтобы она доила 8-9 тонн молока в год. И надо заметить, что при таком кормлении и содержании коров молоко по качеству лучше, чем молоко, полученное от коровы на пастбище.

– Как так может быть? – воскликнули мы оба.

– В нашем молоке, полученном в условиях фермы, – высокое содержание белков, высокий жир... Это за счёт содержания и кормления. Посмотрите, мы покупаем соевый шрот – это выжимки после получения масла,

подсолнечный шрот, покупаем патоку, сахарин... Примесы, обогащённые витаминами, даём. Если этого не будет, то состав молока будет другим уже. И вологодское масло получается нисколько не хуже из молока от коровы, которая не выходит на пастбище. Если соблюдать технологии.

— Народ наш уверен, что своя корова, которая целыми днями пасётся, даст лучшее молоко, чем корова из комплекса. По логике вещей, так?

— Это, друзья, сегодня просто нереально... — отвечал рассудительный Шиловский. — Лет 15 назад мы ушли от выпаса скота на пастбище. И первое, почему бросили это дело, — у нас были жёсткие требования, предъявляемые фирмой “Данон”, с которой мы ведём дело, по качеству. Именно по качеству молока, полученного на пастбищах.

Представьте себе летнюю дойку в лугах, на которых пасётся более тысячи коров... Там будет по колено грязи. А молоку нужно быстрое охлаждение, а холодильники далеко, нужно везти во флягах по просёлкам, всё это перебулькает, за санитарным состоянием оборудования следить трудно... Тогда-то мы и поняли: чтобы доить больше и получать более качественное молоко, нужно срочно менять технологию. Мы поменяли, и вот 15 лет так и работаем.

— Вы поменяли не технологию, а образ жизни коровы.

— А мы же коров не для картинки держим. Корова на пастбище доит меньше, чем на ферме.

— Почему?

— Если взять статистику высокоудойных коров, то получается следующая картина. Дома она, на ферме даёт где-то 40–50 литров молока, а с пастбища принесёт 25–30 литров. Она потратила энергию на переходы, да и пастбище не может дать ей того полноценного корма, который приготовят на кормокухне, — это коровий ресторан на комплексе.

Однако эти аргументы не до конца убедили нас.

— Вот если перед нами положат две пачки масла: одно — выработанное из молока бурёнки, которая по лугам гуляла на солнышке, и второе — с комплекса от коровы, которая свету белого не видит... И что, у них молоко одинаковое?

— Я же сказал, наше будет лучше... Потому что кормовой рацион будет у нас богаче, соответственно, и молоко.

— И ваше тоже, значит, орехом будет отдавать?

— Да. Ещё как отдавать!

...Шиловский привёз нас на строительство нового молочного комплекса в Харьчево. Здесь, под боком у Вологды, вырос много лет назад другой город — животноводческий. Теперь в городе том прибавление.

Если строительство в Харьчево животноводческого комплекса при Лобытове потребовало, помимо ферм, вспомогательных объектов — жильё для работников, магазины, школа, детские сады, — то строительство нового объекта, на котором будет около шестисот коров, ничего такого не предполагает. Потому что нужды в кадрах попросту нет. Этот новый комплекс будут обслуживать всего четыре оператора. Один в смену. Всё остальное на ферме сделают роботы.

Как, в деревне нет нужды в кадрах? Да это извечная проблема — найти доярку, сотника, кормача... Помню, какие усилия прилагали партия и комсомол, чтобы оставить молодёжь на фермах...

“Всем классом — в колхоз!”, “Комсомольско-молодёжная ферма...” И клубы для молодёжи строили, и благоустроенное жильё, и ордена вешали, а всё равно уезжали в города... Однажды у меня брали интервью для программы Эдуарда Сагалаева “Мир и молодёжь”. И вот тогда я сказал, что кадров у нас в стране ровно столько, сколько их есть, и больше взять неоткуда. Нужно не молодёжь на фермы загонять, а менять технологию... И вот спустя пятнадцать лет выстрелило... Сначала в передовых хозяйствах...

Чтут ли Верещагина красные директора?

В начале девяностых Геннадия Константиновича Шиловского, руководителя самого знаменитого хозяйства на Вологодчине, стали называть красным директором. И с весьма нелестным смыслом. Считалось, что такие “красные директора”, как Шиловский, Жильцов и им подобные, при Советской власти

сконцентрировавшие в руках крупные производства, пахотные земли, пастбища, сенокосы, ложатся поперёк демократического движения страны к свободному рынку, дают фермеров, как клопов, не позволяя им подняться и выделиться. Тогда всюду гремел лозунг: “Только фермеры накормят Россию”. Недоброжелатели наши, прибывшие из-за океана, советовали правительству поскорее раскулачить “красных директоров” и передать всё в руки подрастающему сословию фермеров. Шиловский не позволил распатронить “Родину”, хотя в округе сыпались один за одним и флагманы, и рядовые хозяйства вологодской деревни. . .

– Я недавно узнал про Николая Васильевича Верещагина, организатора молочного дела в царской России, – сказал мой товарищ Валерий Татаров Жильцову. – И, к счастью, узнал, что он вологодский. Потому мы с Анатолием Константиновичем надумали прославить его фамилию. Я думаю, это справедливо, правда?

Шиловский задумался на какое-то время, словно вспоминая, какой была Россия во второй половине девятнадцатого века и что из себя представляло молочное дело на Вологодчине.

– Это была другая эпоха, – решительно сказал он. – Другие технологии, другие люди, другая власть. . . Сейчас же это всё поменялось. В то время было много людей, которым после отмены крепостного права нужно было найти себе дело. За сто с лишним лет не один раз менялись и технологии, и отношение к собственности. . . Вот у меня два коровника стоят. Это Лобытов сорок лет назад строил, вот два ряда коровников, там работали тридцать человек. Мы поставили там четыре робота, и сегодня работают там пять человек. Разница есть? Вот решение кадрового вопроса сразу. То же произошло, когда соседи наши откормочный комплекс Васильевское развалили, мы купили остатки двух коровников, модернизировали, переделали, поставили роботов – всё. То есть столько людей, как раньше требовалось, не нужно.

Я начинал работать руководителем колхоза в Никольском районе, там коров руками доили. У меня жена была главным зоотехником, так она доярок заставляла аппаратом доить. А они отказывались, делали всё для того, чтобы оставить за собой тринадцать коров, а не двадцать пять. А теперь вот на этот новом дворе, где мы сейчас находимся, 540 коров будет обслуживать один человек, всего будет четыре смены. Я уже и людей подобрал. То есть на 540 голов четыре человека вместо пятидесяти. . .

Деревня, которая на протяжении десятилетий страдала от нехватки рабочих рук, сегодня от этих рук освобождается. Ещё несколько лет назад Ольга Голодец, вице-премьер Правительства РФ, назвала цифру в сорок миллионов трудоспособного населения, которые непонятно где и чем заняты. О лишних людях говорили и другие политики.

И вот здесь, на мой взгляд, и кроется узловый, болевой узел нашей современности.

– Получается масса безработных и в городе, и в селе. . . И только на земле можно найти себе занятие. Жизнь вытолкнет всё-таки людей в деревню, все уже начинают понимать, что к чему. Городская жизнь не приносит ни здоровья, ни счастья, ничего. Вернутся люди на село, я в этом уверен.

– Когда-нибудь и вернутся, – согласился Шиловский. – Но сейчас другая ситуация. Специалистов много приезжало к нам из глубинки, где сельскохозяйственная жизнь умирает, а сейчас уже никто не едет. В городе покупают квартиры, а из города не едут.

– Ну, а чем это объясняется? Лениью природной?

– Сегодня иная идеология. Всё с детства начинается, со школы. Я начал на лошади работать уже с пятого-четвертого класса. Меня отец посадил на конную косилку – и вперёд! Раньше всему этому мы учились с детства, мы работали. Потом дома коров держали, поросят, овец. Надо накосить, обрядить, навоз убрать Сенокос! Нужно было сначала лес вырубить. Мы пять гектаров леса вырубили, баню срубили, двор срубили из этого леса. Лес вырубили, сделали сенокос, чтобы обеспечивать свой скот сеном. Жалко трудов. Сегодня всё растает. . . Мы работали, мы приучались к труду с малолетства.

Вот вам пример для раздумья. Я пригласил на работу семью из глухой деревни Никольского района. Дал работу, дал квартиру, садик для детей, школа через дорогу. У них в деревне до магазина пять километров. Живите,

трудитесь... Через месяц они пришли с заявлением на увольнение. Он говорит, что я твои 30–40 тысяч у себя заработаю за половину дня. Свалю несколько ёлок, приедут, сами погрузят, деньги – в руки – и всё...

У него, этого тракториста, жена до сорока лет нигде не работала, в окошко глядела. Ни коровы, ни козы, никакой животинки на дворе. Они купят пакет порошкового молока в магазине и – довольно.

– Ну, вы крестьянский сын, вы плоть от плоти крестьянин, скажите нам: если это сделать как политику государственную, то деревня может вернуть частника, вернуть городских?

– Ну, конечно, желающие найдутся, – не стал возражать Шиловский. – Но должна быть действительно стимулирующая политика. Но на самом деле всё получается наоборот. Последнее, что было у крестьянина, – налоговые льготы на имущество и транспорт – государство отобрало. Сегодня каждый четвёртый рубль от доходов мы отдаём в налоги.

С нового года убирают льготы, добавляют налог НДС... Мы остаёмся без прибыли, государство всё забирает. Я не знаю, какую оценку помещений произведут. Вот, видите, у нас стоит старая, ещё времён СССР постройка, в старой оценке. Ждём налоговую, придёт эта налоговая, ей надо где-то деньги найти в бюджет. Вот она и скажет: а давайте посчитаем по новым ценам её, и пересчитает...

А вот за это помещение, в которое собираюсь запустить к зиме скот, строительство которого обошлось нам в 180 миллионов, вот за это помещение я должен платить где-то под два миллиона в год налог на имущество.

Стоило, скажите, строить, тратить деньги, чтобы тебя огрели таким налогом? А вы говорите: Верещагин...

Думаю, тому было легче. Хотя и были у него противники в виде государственных чиновников, Тот же министр финансов Витте строил козни, но дело то развивалось. То есть государство в развитии молочного дела увидело свою пользу, свой государственный смысл, источник доходов, подъёма деревни. Мы же заинтересованности у государства в развитии села, деревни не видим. Иначе оно не стало бы уничтожать флагманы молочного животноводства только ради того, чтобы одновременно решить проблему с пополнением налоговых сборов.

Можно, конечно, зарезать всех коров и получить цифру по производству мяса, но ведь корову надо доить. Вот её главный смысл... Мудрый хозяин так не поступает, – решительно заявил Шиловский.

Но о “мудрости государевой” и “глупости народной” – следующий разговор.